

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Мама Трауд

**Тьяная
стерлядь**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
antalogiya, Macrovector / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Трауб, Маша.

Т65 Пьяная стерлядь / Маша Трауб. — Москва :
Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-098867-9

Маша Трауб не дает читателям заскучать. Она запечатлевает своих героинь в самый острый, самый интересный момент их жизни. И этот момент, который длится всего месяц, день, а иногда час или минуту, говорит о них больше, чем пространное жизнеописание. Миг — и героиня понимает, что тот, кого она когда-то любила, — чужой. И зря она везла из Москвы в Питер рыбу, чтобы сварить ему суп. Миг — и ребенок понимает, что родители не любят друг друга и она сама для них — лишняя. Миг — и человек понимает, что любит другого человека так, что жить без него не может. Все это — мгновения, которые Маша Трауб останавливает, чтобы показать вам.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098867-9

Моя огромная благодарность Ксении, Ольге, Оле, Ольге Ивановне, Насте, Ларисе, а также всем женщинам, без которых наша жизнь не была бы такой, какая она есть. Всем тем, кто любит, чувствует, страдает, пускается в авантюры, живет с открытыми сердцем и душой. Тем, кто не потерял способность плакать и смеяться одновременно. Тем, кто каждый день проживает так, как может прожить его только женщина.

Маша Трауб

Иван да Марья

— Катюш, ты к папе съезди, узнай, как он там...

— Хорошо, мама, съезжу.

— Подарочек ему собери какой-нибудь.

— Да, мама, не волнуйся.

Катя сидела у кровати матери, и ее трясло от бессилия, злобы и такой всепоглощающей ненависти, что ни о чем другом она даже думать не могла.

Мать умирала. Это началось лет восемь назад. Катя работала в городе, мать жила в деревне.

— Катюш, надо бы плиту по весне поменять, — позвонила ей однажды мать.

— Mam, мы же только новую поставили, два месяца назад, — удивилась Катя.

— А ты еще обещала мне стиралку на Восьмое марта подарить, — тоном капризного ребенка сказала мать.

Маша Трауб

— Так я и подарила, — еще больше удивилась Катя.

— Мне тяжело руками стирать, а старая машинка совсем не крутит, — продолжала мать, как будто не слышала.

— Mam, у тебя в ванной стоит новая машина. И плита тоже новая. Мы ее вместе выбирали. Забыла?

— Ничего я не забыла, — ответила мать обиженно. — А вот ты про меня совсем не помнишь. Живи, мать, как хочешь. А если плита взорвется? Ей же столько лет, сколько тебе! И руки у меня уже совсем не держат — выкрутить пододеяльник не могу! А тебе все равно!

— Хорошо, мам, приеду, все поменяю, — сказала Катя, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор.

Оказалось, что у матери Альцгеймер, она знала о диагнозе, но скрывала его от Кати.

Началось с плиты и стиральной машинки, которые в памяти матери остались старыми и нуждались в замене. Потом стало хуже.

— Ты почему столько времени не звонишь? — закричала мать, позвонив. Катя поговорила с ней накануне.

Пьяная стерлядь

— Мамуль, мы же вчера с тобой разговаривали...

— Я тебе уже три часа дозваниваюсь! Ты же знаешь, что я на этом новом телефоне цифр совсем не вижу. Три часа звоню и попадаю не туда. А если со мной что-то случится? Как я тебе позвоню? И кстати, почему ты не подходишь к домашнему телефону?

— Мам, я же тебе сто раз говорила — звони мне на мобильный. Я всегда с ним. Домой я только к вечеру добираюсь.

— А как звонить на твой мобильный? А сколько мне это будет стоить? Квитанция придет? Я же до сберкассы не дойду!

— Мам, у тебя там над телефоном записочка висит с цифрами. Я тебе в прошлый раз написала все. Ничего сложного.

— Мне привычнее звонить тебе на домашний. Его я помню.

— Хорошо, только не нервничай.

Катя разрывалась между работой и заботами о матери. Она платила соседке, чтобы та следила за ней, мыла полы в доме, приносила еду. Женщина оказалась хорошей, внимательной, но мать была недовольна. Каждые выходные Катя рвалась в деревню. Недалеко вроде

Маша Трауб

бы, но за субботу и воскресенье она выматывалась так, что работа в офисе ей казалась отдыхом. Катя приезжала в деревню и начинала уборку — мать жаловалась на пыль, грязные окна, пол в пятнах. Была недовольна сиделкой — та неряха, все вечно переставляет с места на место — ничего найти нельзя. И гладит плохо, с одной стороны, абы как. И полы моет шваброй, а не руками. И готовит плохо — суп и то нормальный сварить не может.

— Мам, у тебя же диета. Тебе нельзя жирное, жареное, — убеждала ее Катя.

— Это ты специально выдумала, чтобы мяса мне не покупать, — стояла на своем мать.

Когда Кате на работе предложили в командировку на две недели, она легко согласилась — хотела уехать, чтобы под любым предлогом не звонить матери, отодвинуть от себя ее болезнь.

— Мам, мне нужно уехать. Я не приеду в выходные.

— Ну и не надо. Ты и так тут целыми днями толчешься, — ответила мать. — У тебя хоть работа-то есть? Чего ты дома сидишь? Надо работать. Я в твои годы...

Катя уехала. Но сердце было беспокойно. Она так и не смогла расслабиться, отключить-

Пьяная стерлядь

ся и хоть на время забыть о том, что ее ждет дальше. Вернувшись, прямо из аэропорта она отправилась к матери.

— Ты чего? — та встретила ее на пороге, как будто ждала. — Что-то случилось?

— Нет, мам, просто приехала тебя навес-
тить.

— Так вчера же только была!

— Мам, меня не было две недели. Я только вернулась из командировки.

— Не морочь мне голову! Какая команди-
ровка? Ты же даже не работаешь! Мою пенсию
уже потратила! Сама заработать не можешь и
меня обираешь!

Кате исполнилось пятьдесят. Теперь она
осталась одна — не нужная ни матери, ни един-
ственному сыну, который жил своей жизнью.
Сыну от нее нужны были только деньги. Мате-
ри вообще не понятно, что было нужно.

Катя держалась за работу руками и ногами,
понимая, что тянуть их обоих придется до по-
следнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-
то уходить, хотя бы шесть часов не думать о
том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть
перед компьютером с остекленевшим взгля-
дом. Мать позвонит, и Катя по первым словам

Маша Трауб

будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни — ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир.

Катя с этим смирилась. Давно.

Как-то она приехала к матери, та вроде была «в себе».

— Катюш, у тебя ребенок-то есть? — вдруг ласково, жалостливо спросила мать.

— Есть, сын, твой внук, — ответила Катя.

— А откуда ребеночек? Ты же замужем не была, — удивилась мать.

Катя действительно родила сына для себя, без мужа. Но мать сделала свой вывод — раз дочь не была замужем, значит, у нее нет ребенка, значит, и внука нет.

На выходные Катя уговорила сына приехать в деревню:

— Бабушка болеет, надо ее навестить. Я тебя очень прошу.

— Она же все равно ничего не помнит. За-

Пьяная стерлядь

чем? — спросил он, не отрывая взгляда от мерцающего монитора.

— Затем! — крикнула Катя.

Сын приехал в субботу, а Катя вырвалась в деревню в воскресенье. Мать придвинула тумбочку к двери своей комнаты, забаррикадировалась и не открывала.

— Mam, открой, это я! — закричала Катя.

— Кто это? — отозвалась из-за двери мать. — Не открою!

— Что с ней? — спросила у сына Катя.

— Чокнулась, — равнодушно пожал плечами сын. — Еще вчера закрылась и не открывает.

— Mam, мама, открой! — Катя скребла дверь.

Наконец мать приоткрыла дверь на узкую щелку. Из комнаты пахнуло мочой.

— Mam, ну ты чего? — ахнула Катя.

— Быстро заходи. — Мать дернула ее за руку, втащила в комнату и опять пододвинула тумбочку. Откуда только силы взялись?

— Что ты? Что случилось?

— Мужик в дом залез. Ходит со вчерашнего вечера. Как хозяин. Убить меня пришел.

— Mam, это не вор, это твой внук. Приехал тебя проведать.

Маша Трауб

— Какой внук? У меня нет внука. Откуда? Ты еще и замуж не вышла.

Катя села на кровать, не зная, что делать дальше. Мать согласилась выйти из комнаты только после того, как внук громко прокричал, что он уходит и больше не вернется — это было чистой правдой.

Потом мать перестала узнавать даже Катю.

— Ты кто? — спрашивала она.

— Катя, твоя дочь, — терпеливо отвечала Катерина.

— А где Настя?

— Скоро придет.

Настя была той самой сиделкой, которая приглядывала за матерью в течение недели.

— Ты не так все делаешь, позови Настю, она знает, — говорила мать, когда Катя перестила-ла постель, мыла ее в ванной или кормила из ложечки супом. — Настя мне больше нравится, а ты совсем безрукая.

Катя уже даже не плакала. Просто кивала и звала Настю, суя ей в карман деньги за неделю и за срочный вызов в выходной день.

Нет, это еще был не конец. Еще через год мать вдруг стала узнавать Катю, ждала ее, тре-

Пьяная стерлядь

бовала приехать только ради того, чтобы задать один вопрос: «Как там Ванечка?»

— Ты к нему ездила? Съезди. Как он? — спрашивала мать Катю, когда та, измотанная, выпотрошенная, приезжала с сумками в деревню.

— Все хорошо, — отвечала Катя.

— А ты ему подарочек отвезла? Одеколон ему купила? Он любит одеколон. Не болеет он?

— Не болеет. Все нормально, — отвечала Катя и задыхалась от злости.

Ванечка, Иван Петрович, был Катиным отцом, мужем матери. Бывшим. Давно бывшим. И только он остался в ее памяти, в которой стерлись дочь, внук и даже любимая Настя. Только о нем она беспокоилась, спрашивала и переживала. Больше никто для нее не существовал — только ее Ванечка. Для нее он был самым ценным, самым главным. Ее прошлым и настоящим.

Катя простить этого матери не могла. Все простила, все забыла, но в свои уже немолодые годы она становилась маленькой девочкой, которая все помнила так же остро, как и много лет назад. Ничего не прошло. Время не вылечило.

Иван Петрович Козлов — мужчина с безу-